

СТАЛЬНЫЕ СТРАНИЦЫ. ФЭНТЕЗИ АЛЕКСАНДРА МАЗИНА

АЛЕКСАНДР МАЗИН

**РИМСКИЙ
ЦИКЛ**

ВАРВАРЫ

*

РИМСКИЙ ОРЕЛ

*

ЦЕНА ИМПЕРИИ

*

ЛЕГИОН

ПРОТИВ ИМПЕРИИ

АЛЕКСАНДР МАЗИН

**РИМСКИЙ
ЦИКЛ**

ЦЕНА ИМПЕРИИ

**ЛЕГИОН
ПРОТИВ ИМПЕРИИ**

МОСКВА 2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М13

Иллюстрация на переплете — *Владимир Гурков*

Мазин, Александр Владимирович.

Цена империи. Легион против империи / Александр Мазин. — Москва : Эксмо, 2024. — 720 с.

М13 ISBN 978-5-04-184331-1

Великий Рим. Империя, для которой Средиземное море — внутреннее. Империя, которую не сокрушить извне до тех пор, пока сияют на солнце орлы ее легионов. Вот только гниль уже поселилась у нее внутри. Алчность, жадность, коррупция, несправедливость. Август, который заставляет голодать своих солдат, долго не проживет. И наследуют ему те, кого историки назовут солдатскими императорами. Те, кто будет рвать на части страну, которую призваны защищать. И то будет конец Римского мира. Потому что империя, распавшаяся на части, станет добычей варваров. Но сможет ли понять алчная столица — плебс на трибунах Колизея, сенаторы и сановники в роскошных дворцах — простую истину: нельзя обжираться тех, кто тебя защищает? О да, Рим ее поймет! Когда услышит грохот сандалий по мостовым Вечного города и увидит у врат императорского дворца штандарты собственных легионов.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Мазин А.В., текст, 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-184331-1

ЦЕНА ИМПЕРИИ

Пролог

*Май девятьсот восемьдесят седьмого года от основания
Рима¹. Провинция Нижняя Мезия*

— Вот этого берите! — низкорослый коренастый римлянин показал на Ахвизру.

Позолоченные поножи римлянина были украшены выпуклыми львиными головами.

Трое легионеров подхватили гота и перекинули на носилки. Ахвизра с шипением выпустил воздух, но сдержался, не застонал.

— Эй, вы! — выкрикнул Коршунов. — Не видите, что он ранен!

— Так это ему повезло! — ухмыльнулся один из легионеров.

Остальные загоготали. Но коренастому их веселье не понравилось.

— Поаккуратнее, — недовольно буркнул он. — Скиф должен повиснуть живым, а не дохлым! Взяли и понесли! Следующий — этот! — Коренастый показал на Скулди.

Герул тоже был ранен (все они были ранены), но не так серьезно, как Ахвизра, — поэтому связан. Как и Коршунов. Как и все, в ком победители опознали вождей. Алексей подумал: это не так уж плохо. Их и уложили в палатке, а не бросили на голую землю, как остальных, и медицинскую помощь оказали...

При воспоминании об этой «помощи» Алексей невольно поморщился. Его ранили дважды (если не считать царапин) — в бок и в левую ногу. Обе раны римский лекарь зашил и перевязал — без всякой дезинфекции и, разумеется, без наркоза. Только чтобы остановить кровь. А когда опытный в таких делах Скулди сказал медику, что надо бы раны прижечь, тот только головой мотнул:

— Не беспокойся, варвар!

— Нас казнят, — сделал вывод Скулди.

---

¹ 234 год от Р. Х.

Это заявление никого из пленных не удивило. Им уже успели сообщить, что взявший их в плен военачальник — настоящий отморозок. Никого не щадит. Ему не нужны ни деньги, ни наемники. Убивает всех. Ходят слухи, дал кому-то из богов обет — прикончить сто тысяч варваров.

Об этом пленным сообщил солдат из охраны — здоровенный светловолосый галл, совсем не похожий на коренного римлянина.

Коршунову не хотелось умирать. Но пощады он просить не будет. Не хватало еще опозориться перед храбрецами-готами. Алексей решил вести себя, как положено вождю. А по местным понятиям вождь обязан быть храбрее и мужественнее тех, кого он ведет в бой. Так что Коршунов держался. Даже не пикнул, когда его штопал лекарь. И всем своим видом показывал, что не боится ни боли, ни смерти.

Но умирать все равно не хотелось. И даже как-то не верилось в собственную смерть. Наверное, так всегда и бывает...

Коршунова забрали из палатки последним.

— Давай, давай, пошевеливайся! — бородатый легионер в помятой кирасе с дубинкой в руке легонько подпихнул Алексея в спину. — Выходи, давай!

За те часы, что Коршунов, связанный, провалялся в палатке, вокруг вырос маленький город. Римский лагерь. Ровные ряды палаток, деловитая суета. Пробегавший мимо легионер со связкой пилумов приостановился, полюбопытствовал:

— Это что, варварский рикс?

— Давай проходи! — рявкнул бородатый, замахнувшись своей дубинкой.

Любопытный тут же припустил прочь.

Охранники у южных ворот лагеря посторонились, пропуская Коршунова и его «эскорт»...

Их разместили вдоль обочины. Всех, кто остался в живых. Коршунов шагал по пыльной дороге, по крестообразным теням. Он старался не хромать и смотреть прямо перед собой. Не смотреть ни по сторонам, ни вверх, ни на дорогу, на которой лежали тени вкопанных вдоль обочины крестов.

На душе было мерзко. Это он привел их сюда. На смерть. Одно утешение — он умрет вместе с ними. Если, конечно, победители не придумали для него что-нибудь особенное...

Нет, не придумали. Зато отвели почетное место: на самом верху, между Скулди и Агилмундом. Две ямы по локтю глубиной и грубо сколоченный крест в виде буквы «Х».

— Ложись, варвар! — скомандовал бородатый.

Коршунов медлил — у него возникла мысль: а не броситься ли сейчас прямо на римские копья? Умирать — так уж сразу!

Нет, не годится. Это все равно что сбежать, бросив своих... кото-рые еще живы. Пожалуй, он не имеет права оставить их умирать... в одиночестве.

— Ложись, варвар, больно не будет! — повторил легионер, по-своему истолковав медлительность пленника.

— Да пошел ты... — по-русски пробормотал Коршунов.

И выполнил команду.

Больно и впрямь не было. Если не считать того, что болели раны.

С десяток легионеров ухватились за канат. Основания бревен соскользнули в ямы, уперлись, и крест начал медленно подниматься вверх, унося Коршунова навстречу светлому южному небу.

Через пару минут все было кончено. Крест встал вертикально, Коршунов «сел верхом» на вбитую в крестовину палку, принявшую на себя его вес. Бородатый еще разок проверил, хорошо ли привязаны к кресту руки и ноги Коршунова, удовлетворенно кивнул и удалился.

Вид с холма открывался превосходный: рощи, виноградники, поодаль — аккуратные домики земледельцев. Плодородный, благодатный край... а он, Коршунов, привел сюда варваров... ну да, привел. И теперь те из них, кто уцелел, чудовищными украшениями висят вдоль обочины превосходной римской дороги.

И это — последнее, что увидит в жизни бывший ученый, бывший космонавт, бывший рикс Алексей Коршунов. Н-да... зато смотреть на этот пейзаж он будет долго. Может, два дня, может, три... если, конечно, раны не откроются и он не истечет кровью раньше... ну тогда ему, считай, повезло. Как Ахвизре, чья голова уже бессильно повисла...

— Агилмунд! — позвал Алексей. — О чем думаешь?

— Да вот думаю... — мрачно отозвался родич. — Примет ли меня Вотан, ежели вот так умру? Без меча в руке, без погребения, без тризны...

Гот тяжело вздохнул. И справа, эхом, вздохнул Скулди.

«Надо же,— подумал Коршунов.— Не то их беспокоит, что придется подышать долго и мучительно, а то, признает ли их какой-то там вотан... впрочем, правильно. Для тех, кто верит в загробную жизнь. Вопрос: верит ли в нее кандидат наук А.В. Коршунов? Раньше вроде бы верил... во что-то такое...».

— Я так думаю,— громко произнес он.— Вотан — не какой-нибудь безмозглый гепид; сумеет отличить воина от свинопаса. А ты, Агилмунд, столько народу к Хель отправил, что никакой тризны не нужно. Вот в последнем бою хотя бы... присмотришь, брат: неужели ты не видишь, как вьются вокруг души поверженных тобой врагов?

— Не-а...— пробормотал Агилмунд.— Никого я не вижу, кроме наших повешенных парней да вот этих римлян, что жрут копченный свиной бок у меня под ногами.

Римляне, о которых шла речь, беседу двух варваров игнорировали. Они обедали. Повешенные были для них уже не живыми людьми, а вороньим кормом. За которым пока что надо присматривать.

— Я — вижу! — решительно заявил Коршунов.— И ты верь мне, Агилмунд! Я — Аласейя, пришедший с неба, я видел богов и разговаривал с ними! И я говорю тебе: боги отличат настоящих воинов, какой бы ни была их смерть! Так что если вскоре умрешь ты, Агилмунд, то отправишься прямо к своим богам! Это я тебе обещаю! Конечно, смерть твоя будет нелегкой...

— Плевать! — Агилмунд заметно повеселел.— Перетерплю. Слышишь меня, Вотан! — рявкнул он во всю глотку.— Скоро я приду к тебе!

— Эй, Аласейя! — это подал голос Скулди.— А ты не врешь? Насчет богов?

— Ты никак умом повредился, герул! — насмешливо бросил Коршунов.— Кто же рискнет соврать, говоря о *таком*? Или ты забыл, что и сам я тоже очень скоро покину этот мир?

— А ведь верно! — признал герул.— Не станешь ты врать в час смерти, Аласейя! — Скулди рассмеялся.— Хорошо иметь такого вождя, как ты! — заявил он.— Биться рядом с тобой хорошо, а умирать — еще лучше! Хотя, сдастся мне, не к нашим богам попадешь ты, а к своему христианскому богу. Жаль! Очень тебе будет скучно после смерти, Аласейя.

— Я попрошу Вотана! — решительно заявил Агилмунд.— Разве Аласейя не воин? Пусть Вотан договорится с христианским богом.

Или я отправил к Хель мало христиан? Обменять их души на душу Аласейи — правильное дело!

— Точно! — поддержал Скулди. — И я отдам своих на это дело! И без христиан найдется, кому мне прислуживать в Вальхалле! Отдам! Душа такого воина, как ты, Аласейя, много потянет на загробных весах. Не один десяток христианских душ потребуется.

— Коли так, то и я своих готов отдать! — крикнул кто-то из повешенных ниже.

— И я! И я! И я!

— Чего разорались! — недовольно гаркнул один из римлян. — Вот я вас!

На него никто не обратил внимания. И впрямь: что можно сделать тем, кто уже, считай, мертв?

— Ты слышишь, Аласейя! — резюмировал Агилмунд. — Выкупим мы твою душу у христианского бога, не сомневайся!

Коршунов был растроган. И поклялся себе до последнего вздоха не уронить себя в глазах этих людей. Это все, что он мог для них сделать: облегчить надеждой их мучительную смерть.

Хотелось пить. А ведь их всех напоили не больше часа назад. Повязка на боку набухла от крови, потяжелела. Наверное, надо радоваться. Если кровотечение не остановится, Алексей вскоре ослабеет и потеряет сознание. Как Ахвизра. А потом умрет. Быстро и, можно сказать, легко. Проблема в том, что Коршунову совсем не хотелось умирать. В конце концов, это несправедливо! Варвары все равно пришли бы на эту землю. И крови пролилось бы куда больше, если бы Коршунов не пресек бессмысленную резню. Нет, это просто свинство — повесить всех пленных без суда! Где же хваленое римское правосудие? Где законы, которые будут изучать и через две тысячи лет?

— Эй, Скулди! — крикнул Коршунов. — Скажи этим ромлянам, что я хочу видеть их военачальника.

— Зачем он тебе? — отозвался герул. — Скоро ты увидишь богов.

— Хочу взглянуть на того, кто нас победил, — заявил Алексей.

«И договориться, если удастся», — добавил он мысленно.

Такая казнь хороша тем, что у судьи есть время передумать. Но надо поторопиться. Большинство казненных будут умирать несколько дней, но такие, как Ахвизра, не смогут продержаться долго. Чем черт не шутит? Вдруг Коршунову удастся переубедить римлянина?

В любом случае терять нечего...

— Эй, вы! — гаркнул Скулди по-латыни. — Наш вождь желает сообщить что-то важное вашему главному командиру.

— Пусть скажет мне, а я передам, — ответил старший из стражников.

— Так не пойдет!

— Стало быть, не пойдет, — флегматичноотреагировал стражник. — Чтобы я беспокоил принцепса из-за такого вороньего корма, как вы...

Внезапно слух Коршунова потерял остроту: словно в уши вату напихали. Сквозь эту вату до него доносилась перебранка Скулди и охраны, крики ворон, лязг металла откуда-то со стороны римского лагеря...

— Эй, ты, варвар!

Острая боль вспыхнула в раненом боку. Коршунов сдержал стон, с усилием разлепил глаза. Стражник, вознамерившийся было еще раз ткнуть древком копья в бок Алексея, не стал этого делать.

— Ты хотел мне что-то сказать, варвар?

— Я... — голос стал сильным, в глотке — будто наждак.

Что-то влажное прижалось к губам Коршунова. Губка, набухшая кисловатой влагой.

— Кто ты?

— Старший кентурион Гай Ингенс. Что ты хотел мне сказать?

— Я... — Алексей посмотрел сверху на кирпично-красное, со свернутым в сторону носом грубое лицо старшего кентуриона и понял, что надеяться не на что. С этим человеком ему не договориться. — Я? Ничего.

— Тогда подыхай молча, варвар! — сердито бросил кентурион. Развернулся и двинулся вниз, лавируя между крестов.

Коршунов закрыл глаза. Нет, ему было не страшно умирать. Обидно немного. И Настю жалко. Как она теперь, без него?

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВОЖДЬ ВАРВАРОВ

*Necesse est maximorum minima esse initia*¹

*Осень девятьсот восемьдесят шестого года от основания
Рима. Крым. Берег Черного моря*

— Никогда... никого... такой... как ты... Настя... — шептал по-русски Алексей в мягкое ушко с крохотной дырочкой от сережки.

Струи черных волос, шелковые змейки, оплели его шею.

— Что-что-что ты говоришь?.. — бормотала она по-гречески. — Я не понимаю, Алеша...

«Алеша» — первое русское слово, которое она выучила.

«Скажи, как звала тебя мама?»

«А тебя?»

«Анис...»

«А меня — Алеша».

«Алеша». — Она выговорила правильно, с первого раза. У нее были замечательные способности к языкам.

У нее были способности ко всему. И здесь, на ложе, на покрывале из алого шелка, в полной темноте крымской ночи, внутри шатра, Алексей видел каждую частичку ее тела. Руками, губами, кожей...

— Анис, ты меня любишь?

— Любишь!

Это русское слово она тоже узнала одним из первых.

— Еще?

— Не сейчас... — тонкие пальцы с острыми ноготками мышинными лапками пробежались по коже. — Не надо, Алеша. Ты должен быть сильным... завтра. Не то он тебя убьет...

— Тогда отпусти меня.

— Я-а-а? — изумление, смех, низкий, хрипловатый, после которого ну просто уже невозможно...

---

¹ Necesse est maximorum minima esse initia — Великое берет начало с малого (*лат. пословица*).

— А-а-х...— влажные ладошки легонько толкнули его в грудь, Алексей послушно скатился на край ложа (голова свесилась вниз) и замер — нет, не в изнеможении, в сладкой расслабленности. Но никогда он не чувствовал себя таким сильным. Никогда...

Снаружи перекликались часовые, залаяла собака... военный лагерь. Тысячи людей. Тысячи обученных убийц. Войско. Дружины рикса Одохара, рикса Комозика... и его, рикса Аласеи, Алексея Коршунова, того, чьи небесные паруса — цвета снега и крови. Если, конечно, завтра его не убьют...

Анастасия зашевелилась. Маленькая ступня коснулась его колена... легкий, бесшумный прыжок — звук поглотила медвежья шкура у ложа.

— Пей... — чаша с разбавленным (по-гречески) вином коснулась его губ.

Возлюбленная умела угадывать его желания раньше, чем сам он успевал их осознать.

Алексей знал, кем она была раньше. Гетерой. И шпионом. Эта великолепная женщина с талией столь тонкой, что ее можно обхватить пальцами, с кожей младенца и голосом, стирающим все, кроме чувственности, — эта женщина была оружием более страшным, чем копьё в руках родича Коршунова Агилмунда, лучшего из готских воинов, которого знал Алексей. Анастасия была смертоносным оружием, отравленной стрелой, изготовленной в Риме, чтобы внезапно и безошибочно вонзаться в сердца врагов империи. Но Алексей не ревновал к ее прошлому. Ведь теперь она принадлежала ему, а не великой Римской империи. Только ему. Да, он сам никогда не сможет пользоваться этим оружием *по-настоящему*. И не захочет. Эта стрела больше не будет пронзать сердца. Разве что чиркнет пару строк на пергаменте — и полетит через море свернутый в трубочку крохотный свиток... и сделает... нет, уже сделал больше, чем тысяча готских копий.

Алексей отнял у нее чашу, привстал и сам поднес серебряный кратер к ее припухшим губам. Даже в полной темноте он знал, каковы ее губы, и *видел* ее смуглое лицо так же хорошо, как при свете дня. Он слушал, как она пьет, и думал о том, что скоро, очень скоро им придется расстаться. Даже если из завтрашнего поединка он выйдет победителем. Потому что в море, в набег он ее точно не возьмет. Потому что ему легче самому умереть, чем потерять *ее*...

Глава первая

ГОТЫ, ГЕРУЛЫ, БОРАНЫ И ПРОЧИЕ ВАРВАРЫ

*Август девятьсот восемьдесят шестого года
от основания Рима. Приднепровье*

— Значит, вот ты каков, Аласейя, большая вода, тот, кто пришел с неба...

Риксу герулов Комозику — за сорок. Здоровенный, под два метра, костлявый, борода — пакля, руки — клещи. На каждой руке — полкило золота.

— Что-то ростом, смотрю, ты не очень. Плохо, что ли, кормят у вас там, в *Байконуре*?

«Ах ты морда зеленая, — подумал Коршунов. — Осведомленность свою показать решил...»

— А у нас по величине только о быках судят, — осклабился он. — Которых на мясо откармливают. Воина же по-другому оценивают. Комозик нахмурился: прикидывал, не оскорбили ли его?

— И как же у вас воинов оценивают?

— По делам, — лаконично ответил Алексей.

Вертикальная складка на лбу рикса герулов разгладилась. С делами у него тоже обстояло неплохо.

— Пошли, что ли, Одохар, перекусим, — сказал он. — С дороги в глотке пересохло. Такой путь... — и ухмыльнулся щербато.

«Ну и рожа, — подумал Коршунов. — Одохар в сравнении с ним — просто красавчик».

А вот с чувством юмора у рикса все в порядке. За прошлый день герульская дружина прошла максимум мили три.

Это Алексею Скулди поведал. И пояснил почему. Негоже такому вождю, как Комозик, ждать такого вождя, как Одохар. Земля здесь чужая. Оба — вроде как гости. А по положению — равные. Следовательно, и на место должны прибыть одновременно.

— Пойдем, — кивнул Одохар.

Совещание на высшем уровне.

Они удалились.

Коршунов огорчился. Рассчитывал, что его тоже пригласят. Утешало то, что Агилмунд и Скулди, «замы по безопасности», к руководству не присоединились.